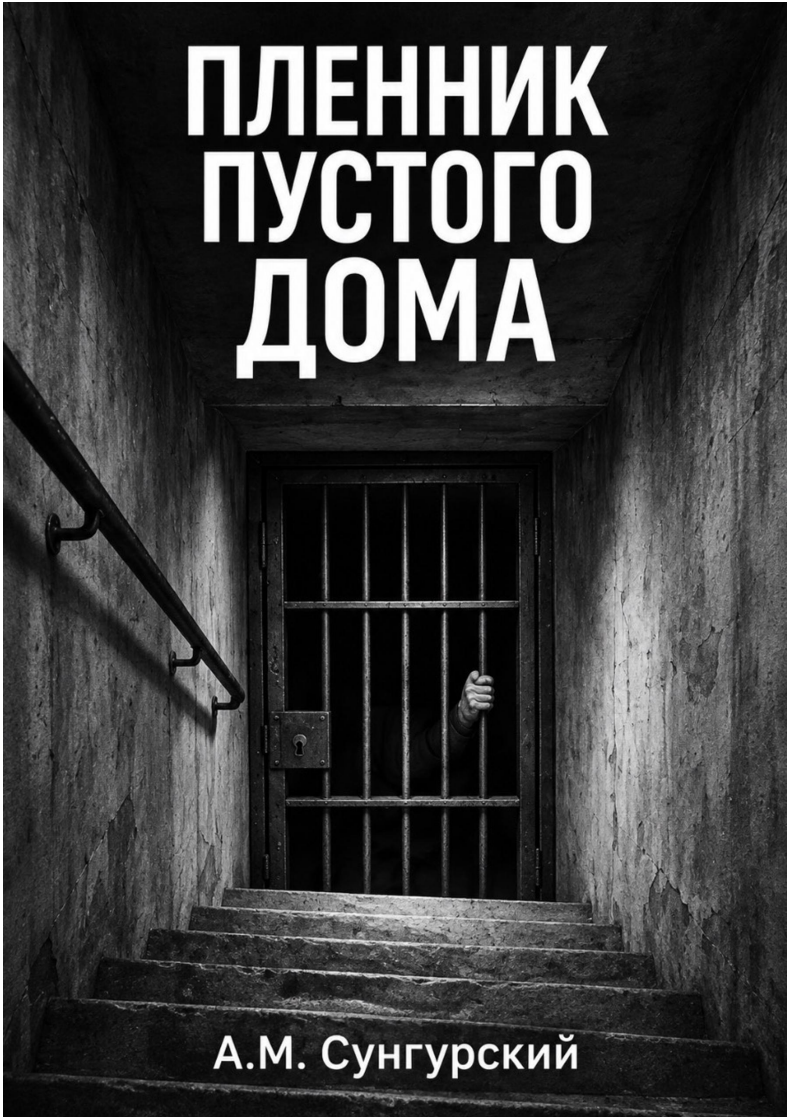

ПЛЕННИК
ПУСТОГО
ДОМА
А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский
Пленник пустого дома

https://litres.ru/74716928
SelfPub; 2026

Аннотация

Трое воров приходят в дом, где, по наводке, никого не должно быть. В подвале за решёткой сидит человек. Он просит уйти и оставить его взаперти.

Вадим Рябинин открывает замок, а его молодой сообщник Ян предлагает незнакомцу переночевать у себя. Утром Ян мёртв. Спасённый исчез.

Чтобы рассказать полиции об этой ночи, Вадиму придётся признаться в собственной краже. Но и семья пропавшего не спешит говорить правду. Почему родные знали о клетке и молчали? Кому понадобились деньги за человека, которого уже выпустили? Вадим возвращается к каждому разговору той ночи. И всё чаще замечает: тот, кто помогает ему сейчас, может помогать прежде всего себе.

Содержание

Глава 1. Четвёртая пара 4
Глава 2. Дверь наружу 19
Глава 3. Чужой диван 32
Глава 4. Фотография для пропуска 45
Глава 5. Человек без фамилии 57
Глава 6. Два клиента 70
Конец ознакомительного фрагмента. 78

А.М. Сунгурский
Пленник пустого дома

Глава 1. Четвёртая пара

В прихожей стояли три пары домашних тапочек и мужские ботинки, ещё мокрые по краям подошв.

Вадим присел возле них. На резиновом коврике собралась тёмная вода; один ботинок завалился набок, второй остался стоять, широко раскрывшись. В такой спешке разуваются, когда уже кричат из кухни. Или когда несут что-нибудь обеими руками.

Ян закрыл за собой дверь веранды.

— Чего?

Вадим указал на коврик.

Молодой человек наклонился, придерживая на груди небольшую сумку. Из неё высунулся угол прозрачного пакета. Ян заранее приготовил пакеты разных размеров; он вообще явился на дело так, словно собирался отправлять чужие вещи покупателям с хорошими отзывами.

— Могли утром оставить, — шепнул он.

— Утром дождя не было.

— А шланг у них есть?

Вадим посмотрел на него.

— Молчи пока.

Ян выпрямился. Ему не понравилось это «пока», и он потянул вниз край куртки, хотя куртка и без того сидела аккуратно. Вадим знал его всего полтора месяца. Демьян привёл парня в начале сентября, когда понадобилось снять кое-какие вещи перед продажей. Ян устроил в чужой комнате свет из двух настольных ламп, за десять минут сделал красивые фотографии, а потом полчаса объяснял, почему дешёвая доставка погубит весь замысел. Сам Вадим на снимках не узнал старый проигрыватель, который нёс под мышкой через два двора.

Теперь Яну предстояло узнать вещи до того, как они попадут в кадр.

Из кухни доносилось мерное гудение. Вадим поднялся и, не снимая перчатки, дотронулся до внутренней стороны входной двери. Дерево было сухим. Дверь с веранды осталась у него за спиной; со стороны улицы дома по-прежнему почти не было видно сквозь кусты и мокрую сетку забора. Демьян ждал неподалёку с машиной. Они собирались пробыть здесь недолго, и всё, что Вадим успел придумать о сегодняшнем вечере, заканчивалось обратной дорогой через мост.

Никаких мокрых ботинок в этой дороге не было.

Он достал телефон и написал: «Кто-то был недавно».

Ответ пришёл, когда они уже прошли в кухню: «Уборка. До завтра никого».

Вадим прочитал, погасил экран, но телефон сразу не убрал.

На столе стояла большая белая чашка. Чай в ней доходил до середины; возле ручки расползлось по столешнице маленькое коричневое пятно. Рядом лежал нож с крошками сыра. Холодильник гудел старательно и громко, словно ему одному поручили изображать жизнь всего дома.

Ян взял со стола салфетку, хотел поднять чашку, но Вадим остановил его за запястье.

— Зачем?

— Проверить. Тёплая или нет.

— И что нам это даст?

Ян посмотрел на чашку с обидой: полезный поступок отменили, не предложив лучшего.

Вадим отпустил его руку.

— Саму чашку оставь.

На подоконнике лежал пульт от телевизора, совершенно здесь ненужный. В комнате за кухней светилась узкая полоска дежурной лампы; Вадим видел край дивана и большую картину над ним. Дом был тёплым. Пахло жареным луком, влажной обувью и средством для мытья пола. За стеклянной дверцей буфета ровными рядами стояли бокалы, а сверху, на самом видном месте, сидела дешёвая фарфоровая кошка с отколотым ухом.

Такую кошку Лариса давно бы выбросила. Она говорила, что уцелевшие вещи незаметно занимают место нужных, и

раз в полгода устраивала у себя дома строгий пересмотр. Вадима пока не пересматривала, но ключ от квартиры ему не давала. Он иногда сердился на эту осторожность и при этом отлично понимал её причины.

На холодильнике держался магнитом листок в клетку. Вадим приблизил свет телефона, прикрывая его ладонью. Вверху было написано «Маме», ниже шли молоко, хлеб, йогурт и что-то зачёркнутое. Нижний край листка оторвали. В самом отрыве оставалась половинка буквы, похожая на длинную ножку стула.

— Тут жилые, — сказал Ян.

— Дома вообще для этого делают.

— Ты понял.

Вадим понимал. Он и сам предпочитал, чтобы люди, к которым приходят без спроса, заранее превращались в удобное отсутствие: уехали, закрыли, забыли. Чтобы можно было иметь дело со шкафом, вещью, замком, а не с человеком, который пишет матери купить йогурт. Просто работать становилось легче.

На первом этаже никого не оказалось. В гостиной пахло плотной тканью штор; телевизор висел на стене над низкой тумбой. Вадим приоткрыл одну из дверец. Кабели, несколько старых дисков, инструкция в прозрачном конверте. Он закрыл её и посмотрел в окно. Изнутри собственное отражение почти заслоняло двор. На улице всё ещё моросило.

Ян стоял возле каминной полки. Там были часы, две фо-

тографии в одинаковых тяжёлых рамках и стеклянный шар с маленькой заснеженной церковью внутри.

— Не трогай, — сказал Вадим.

Парень убрал руку от шара.

— Я посмотреть.

— Посмотри глазами.

— Ты всегда такой приятный или сегодня праздник?

Вадим хотел ответить, но вместо этого прислушался.

Холодильник на кухне перестал гудеть. С улицы донёсся шорох шин, затем короткий металлический звук. Будто ложкой коснулись пустой кастрюли.

Ян тоже повернул голову.

Они подождали.

Больше ничего не было слышно.

— Трубы, — прошептал Ян.

Вадим показал ему на лестницу.

Наверху оказалось прохладнее. В большой спальне кровать была застелена тёмным покрывалом; поверх лежала плоская дорожная сумка, раскрытая и пустая. На спинке стула висел женский кардиган. Из-под него выглядывали рукава мужской рубашки, аккуратно заправленной под сиденье, как если бы стул собирались тоже куда-нибудь отправить.

Вадим остановился у комода. На зеркале у самого края сохранился след детской наклейки. Клей пожелтел, вокруг него осела пыль. Когда-то здесь отрывали маленькую лошадь — или собаку: остались четыре ноги и хвост.

В верхнем ящике лежало бельё, в следующем — коробки. Он открыл одну, потом другую. Дешёвые запонки, узкая брошь, серьга без пары. В длинном сером футляре обнаружились мужские часы. Вадим поднёс их ближе к свету, перевернул, затем положил обратно в выемку. На обороте виднелась неглубокая надпись, но читать её сейчас он не стал.

Ян просунул голову в дверь.

— В кабинете пусто.

— Всё пусто?

— Компьютера нет. Только провод и этот коврик. Монитор старый, тащить бессмысленно.

Вадим убрал футляр в свою сумку. Положил его вдоль стенки, чтобы не мешал инструменту, и застегнул внутренний карман. Денег в комоде не оказалось. Совсем. Даже привычного домашнего конверта между ненужными бумажками.

— Может, передумали быть богатыми, — сказал Ян.

Он держал в руке золотистую цепочку. На ней висел плоский круглый медальон, закрытый, без камней.

— Откуда?

— В маленькой комнате. В шкатулке.

— Остальное?

— Пластмасса. И волос чужой. Можно я его не буду брать?

Вадим протянул ладонь.

Ян сложил цепочку в маленький пакет и отдал. Он не спо-

рил, но сделал это с такой старательностью, что Вадиму стало неловко. Парень ждал общего дела, собственной полезности, а его с самого порога только останавливали.

— Я не за тебя деньги считаю, — сказал Вадим.

— Да я ничего.

— В одной сумке меньше потеряем.

— Я понял.

На этот раз металлический звук пришёл явственно снизу. Два удара, пауза и третий. Не громкие; по ним нельзя было понять, зовут ли кого-то или просто раздражённо стучат ложкой о край посуды.

Ян стоял лицом к двери и больше не улыбался.

Вадим убрал пакет с медальоном в тот же карман, где лежали часы. Телефон коротко дрогнул у него в куртке. Звонил Демьян.

— Вы там надолго обживаетесь? — спросил он.

— Подойди к веранде.

— Нашли что?

— Подойди.

Он разъединился.

Внизу Вадим остановил Яна перед дверью кухни. Оставил ему телефон с зажжённым экраном и достал маленький рабочий фонарь. Луч лёг на хозяйственный коридор, мимо которого они прошли, не заглянув до конца. Слева стояла сушилка с полотенцами, справа — высокий белый шкаф. За сушилкой виднелась узкая дверь. Нижние петли были недав-

но смазаны: на светлом косяке блестела капля масла.

Из-за двери сказали:

— Эдик.

Вадим не сразу понял, откуда идёт голос. Он показался слишком низким, почти под ногами.

— Эдик, вода закончилась.

Ян резко вдохнул и прикрыл рот тыльной стороной ладони.

Вадим медленно отодвинул сушилку. Одно полотенце зацепилось за ручку шкафа и упало на пол. Он не стал поднимать. За дверью была лестница, крутая, с белой полосой по краю ступеней. Внизу горела лампа.

— Тихо, — сказал он Яну, хотя тот не произнёс ни слова.

Сумку пришлось оставить наверху: в узком проходе она билась бы о стену. Вадим поставил её возле сушилки и пошёл вниз. Фонарь держал в левой руке, правой коснулся перил. Дерево оказалось липким, будто его недавно вытирали и не дождались, пока высохнет.

На последней ступени он остановился.

Подвал был устроен просто. Вдоль стены тянулись трубы, рядом с лестницей стояли мешки с чем-то сыпучим. Дальнюю половину отделяла решётка. За ней, возле стола, сидел мужчина в сером свитере. Он держал пустую пластиковую бутылку. Другая его рука лежала на столе ладонью вверх, а на ладони белела небольшая таблетка.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Мужчина был немолодой, широкий в плечах, с тяжёлым лицом, на котором щетина росла неровными серыми участками. Волосы по бокам примялись. Он сидел в носках; возле ножки стула аккуратно стояли шлёпанцы.

— Вы кто? — спросил он.

Вадим перевёл свет с его лица на решётку.

За ней были узкая кровать, стул, стол, упаковка воды, от которой осталась одна смятая плёнка. В углу висела непрозрачная занавеска. Над столом горела обыкновенная лампочка под жестяным колпаком. Никаких окон Вадим не увидел.

— Вы здесь живёте?

Мужчина медленно сжал ладонь с таблеткой.

— Я спросил, кто вы.

На лестнице показались ноги Яна. Вадим, не оборачиваясь, велел ему оставаться наверху, но парень уже спустился ещё на две ступени.

Мужчина посмотрел сначала на Вадима, потом на Яна. Затем его взгляд задержался на перчатках.

— А, — сказал он.

В этом коротком звуке было столько усталого раздражения, что Вадим почти обиделся. Их как будто застали за какой-то мелкой школьной пакостью, не заслуживающей даже нормального испуга.

— Где Эдик?

— Наверху никого, — ответил Вадим.

— Не было или сейчас нет?

— Когда пришли, не было.

Мужчина поставил бутылку на стол и опустил таблетку рядом. Придвинул её ногтем подальше от края. Только после этого поднялся.

Он двигался осторожно, но Вадим не заметил ни цепи, ни наручников. На двери решётки висел замок. За дверью, в недоступном для пленника месте, к стене был привинчен короткий деревянный брусок с двумя крючками. На одном болтался ключ с красным пластиковым колпачком.

Ян шагнул на пол подвала.

— Ни хрена себе.

Мужчина посмотрел на него так, словно именно эта реплика окончательно испортила вечер.

— Послушайте меня внимательно. Всё, что вы взяли, оставьте себе. Я никому ничего не скажу. Отсюда выйдете и закроете верхнюю дверь.

Вадим не ответил.

— Вы услышали?

— За что вас тут?

— Это не ваше дело.

— Очень удобно, — сказал Ян.

Вадим поднял ладонь, останавливая его.

Мужчина подошёл к решётке. Теперь между ними оставалось меньше двух шагов. Серая ткань свитера вытянулась на локтях, ворот был расстёгнут на одну пуговицу. На шее у

мужчины виднелось красное пятно от расчёса.

— Я понимаю, как это выглядит, — произнёс он уже тише. — Но вы уйдите. Я завтра выйду сам.

— С ключом с той стороны?

— Мне откроют.

За спиной послышались шаги Демьяна. Он быстро спускался, придерживаясь одной рукой за перила; дыхание было шумным, как после короткого бега. Внизу он остановился рядом с Вадимом.

На Демьяне была тёмная куртка с мокрыми плечами. Шапку он держал в руке. Посмотрел на человека за решёткой, затем на лежавшую на столе таблетку, на пустую бутылку, снова на человека.

— Поехали, — сказал он.

— Подожди, — ответил Вадим.

— Чего? Нас тут не хватало.

— Вода у него закончилась.

Демьян повернулся к Яну.

— Наверху на кухне кран. Принеси и поехали.

Ян не двинулся. Телефон Вадима он всё ещё держал в правой руке.

Мужчина за решёткой быстро кивнул:

— Да. Воды оставьте. Больше ничего не надо.

Мужчина взял со стола пустую бутылку и просунул её между прутьями. Вадим передал её Яну, забрал свой телефон и убрал в карман. Ян пошёл вверх; его шаги на деревян-

ной лестнице казались неприлично громкими.

Демьян наклонился к Вадиму.

— У человека свои обстоятельства. Он тебе сказал, что его устраивает. Мы здесь зачем?

— Ты знал?

Вадим спросил негромко, но мужчина за решёткой поднял голову.

— Ты совсем? — Демьян выпрямился. — Знал бы я, что тут такое, тебя бы сюда повёз?

— Не знаю.

Слова вышли грубее, чем Вадим хотел. Они с Демьяном дружили больше двадцати лет. За это время бывало разное, но прежде Вадим никогда не ловил себя на необходимости уточнять именно это: повёз бы или нет.

Демьян помолчал. Затем натянул шапку, хотя подвал был тёплым.

— Ладно. Сейчас не будем.

Мужчина провёл ладонью по лицу.

— Я дам вам денег.

— За что? — спросил Вадим.

— Чтобы вы ушли.

— Мы можем и так.

— Тогда уходите.

Вадим посмотрел на стол. На клеёнке возле таблетки остался мокрый кружок от бутылки. Под кроватью лежали две книги, одна раскрытая обложкой вверх, и пластиковый

пакет с бельём. Всё это могло бы показаться не особенно скверным временным жильём, если бы мужчина имел возможность выйти на лестницу, когда ему захочется.

— Как вас зовут?

— Зачем вам?

— Не знаю, как обращаться.

Тот прикрыл глаза. Когда открыл, посмотрел прямо на Вадима.

— Игорь.

— Игорь, вас тут бьют?

— Нет.

— Угрожают?

— Не задавайте вопросов, на которые вы не знаете, что делать с ответом.

Сверху зашумела вода. Ян, видимо, не сразу сумел подставить горлышко под кран. Вадим слышал, как струя бьёт по раковине, как парень выругался, потом вода стала течь глуше.

Демьян стоял у лестницы и смотрел на часы.

Игорь протянул руку между прутьями. Не к Вадиму — к ключу на стене. Расстояние было слишком большим, и он, очевидно, знал это заранее. Пальцы некоторое время оставались вытянутыми в воздухе, затем он убрал руку.

— До завтра, — сказал он. — Мне нужно здесь остаться до завтра.

Вадим поймал себя на том, что слушает эти слова как обе-

щание, данное ему лично. Ещё немного подождать, сделать вид, что ничего не увидел, вернуться к своей сумке наверху. Там лежали часы и медальон. На улице ждала машина. Лариса собиралась в субботу на день рождения к подруге и вчера спросила, пойдёт ли он с ней. Он ответил, что не любит чужие дни рождения, а теперь мог бы передумать и даже купить цветы.

Из подвала надо было только уйти.

Ян вернулся с водой, держа бутылку под горлышко. Несколько капель скатились ему на рукав. Он протянул её через решётку, и Игорь сразу отвинтил крышку. Пил жадно, но недолго; остановился, проглотил таблетку, снова запил.

Вадим посмотрел на Демьяна.

— Возьмём его с собой.

— Нет, — сказал Игорь.

Демьян даже не успел открыть рот.

— Слушайте, — продолжил пленник. — Вы сейчас наверх подниметесь. Закроете дверь. Я не видел ваших лиц. Я вас не знаю. Всё.

Он говорил быстро, удерживая бутылку обеими руками. Вадим впервые заметил, как сильно у него дрожат пальцы.

— А если утром не откроют?

— Откроют.

— Если этот Эдик забудет?

Игорь отвернулся. Поставил воду на стол, но промахнулся мимо свободного места и задел бутылкой край тарелки. Та

сдвинулась по клеёнке, остановилась.

— Не забудет.

Вадим снял с крючка ключ.

Мужчина обернулся на тихий звон. Смотрел теперь уже только на Вадимову руку.

— Положите обратно, — попросил он.

Глава 2. Дверь наружу

Ключ был тёплым от Вадимовой ладони. Он не успел даже поднести его к замку, а уже чувствовал себя человеком, который что-то сделал неправильно и не хочет этого признавать.

— Вы можете выйти, — сказал он. — Посидите наверху. Там хоть окно есть.

— Мне окно не нужно.

Игорь стоял вплотную к двери. Левую руку положил на перекладину и, кажется, собирался удерживать её, если Вадим начнёт открывать. Вадим представил, как они будут тянуть дверь каждый в свою сторону, и отвёл глаза.

Демьян потёр обеими ладонями лицо.

— Давай выйдем на минуту, — предложил он Вадиму.

— Зачем?

— Мне тебе с лестницы кричать? Выйдем.

Ян остался у решётки. Демьян поднялся первым, Вадим последовал за ним, держа ключ в руке. Наверху они оказались перед сушилкой. Упавшее полотенце лежало на полу, как белая тряпка, которую приготовили, чтобы вытереть следы. Вадим подобрал его и повесил через две перекладины.

— Вот видишь, — сказал Демьян. — Уже прибираешься.

Вадим молчал.

— Мы его не знаем. Кто он, что сделал, почему сидит. Ты

решил, что он хороший, потому что с той стороны. А если он завтра тебя же и придушит?

— Не решил я, что он хороший.

— Тогда чего?

Вадим посмотрел на свою сумку. Она стояла у белого шкафа, слегка завалившись на бок. Расстегни карман, проверь футляр, возьми за ручки — и можно уходить. Демьян предлагал именно это. В другое время Вадим сам сказал бы всё то же самое, только короче.

— Ты представляешь, что тут утром будет? — спросил Демьян.

— Нет.

— А я тем более. Нам зачем в чужое лезть?

Вадим поднял сумку.

Демьян увидел движение и чуть расслабился, но Вадим только переставил её на сушилку, чтобы не нагибаться за молнией. Он проверил, закрыт ли внутренний карман. Уговоров стало слишком много; за ними начинало теряться простое обстоятельство: человек не мог дойти до крана, пока ему не разрешат.

— Я сейчас выйду и позвоню, — сказал Вадим. — Адрес назову.

Демьян посмотрел на него недоверчиво.

— Кому?

— Тем, кто приедет.

— Ты себя слышишь?

— Слышу.

— И что расскажешь? Мимо шёл? В окно увидел? Здесь окон в подвале нет.

Вадим поморщился. Эту часть он думал обойти. В своём коротком намерении он уже стоял далеко от дома и сообщал о чужом несчастье без объяснений, как о нём узнал. Люди на другом конце должны были заинтересоваться пленником, а не звонившим.

— И про нас заодно расскажешь? — спросил Демьян.

— Не обязательно.

— Тебе не обязательно. Им обязательно станет.

Снизу донёсся голос Яна:

— Он спрашивает, какие у вас планы.

Демьян закрыл глаза и медленно выдохнул. Вадим оставил сумку на сушилке. Ключ с красным колпачком всё ещё был у него в правой руке; он переложил его в левую, рядом с выключенным фонарём.

— Я сам ему скажу.

Игорь стоял у стола. На решётке, где прежде лежала его ладонь, осталось влажное пятно. Ян присел на нижнюю ступеньку, зажав свою сумку между коленями. Из всех троих только он выглядел человеком, которому по-настоящему интересно, что будет дальше.

— Мы уйдём, — сказал Вадим. — Но оставлять вас запертым не будем.

— Оставьте открытым и уходите.

— А тот, кто вернётся, снова запрёт?

— Это я сам решу.

Вадим замолчал. Ответ был разумным. Ему не понравилось, что Игорь нашёл его раньше.

С лестницы спустился Демьян. Теперь он держался возле стены, не подходил к решётке и не смотрел на ключ. На шапке у него темнело мокрое пятно.

— Можно вам оставить телефон, — сказал Ян. — Позвоните кому надо.

Демьян перевёл взгляд на него.

— Свой оставляй.

— Я вообще предлагаю.

Игорь смотрел на Вадима.

— Вы мне дверь откройте. Больше ничего не нужно. Дальше сами поедете куда хотели.

Вадим подошёл к замку. Убрал фонарь в карман, взял ключ правой рукой. Ему вдруг стало неловко стоять так близко к человеку за прутьями: для любого движения приходилось просовывать пальцы почти к его животу. Игорь отступил на шаг.

Открыв замок, Вадим снял его с проушин и положил на пол у стены. Потянул дверь. Она пошла тяжело, с низким протяжным звуком. На бетоне остался светлый полукруг — нижний край тёрся об пол.

Игорь не двинулся.

— Вот, — сказал Вадим.

— Спасибо.

Он произнёс это сухо, без благодарности, но Вадим и не ожидал объятий. Поднял с пола замок и вместе с ключом положил на стол внутри кладовой. Теперь Игорь мог достать и то и другое сам. Дверь осталась распахнутой.

Ян встал.

— Ну что, пойдём?

Вадим сделал два шага к лестнице. Игорь обошёл стул и сел. Взял бутылку, отвинтил крышку, но пить не стал. Смотрел на открытый проход.

Демьян уже поднялся наверх. Скрипнула одна из ступеней, затем звякнула металлическая ножка сушилки. Видимо, он отодвигал её, чтобы забрать сумку Вадима.

Вадим остановился.

— Я всё-таки позвоню, — сказал он.

Игорь поднял голову.

— Зачем?

— Чтобы вас проверили. Что вы живы, что с вами всё нормально.

— Вы ведь уже видели.

— Я не врач.

— А вам показалось, что я больной?

Вадим не ответил.

Игорь поставил бутылку на стол, медленно накрутил крышку. Вадим смотрел на его руки и понимал, что своим намерением позвонить пугает сильнее, чем присутствием в

чужом доме. Это должно было что-нибудь объяснить, но пока только прибавляло вопросов.

— Вы хотите, чтобы вас похвалили? — спросил Игорь.

— Не надо.

— Тогда оставьте меня.

Из прохода донёсся сердитый шёпот Демьяна:

— Вадик.

Вадим впервые за вечер пожалел, что вообще взял в руки ключ. Он повернулся к лестнице. Игорь резко поднялся, отодвинув стул коленом.

— Подождите.

Вадим обернулся.

— Если я с вами поеду, вы звонить не будете?

— Смотря что с вами.

— Со мной ничего. Я просто хочу понять, чего вы от меня добиваетесь.

— Ничего не добиваюсь.

Игорь посмотрел на него, потом на Яна, всё ещё стоявшего возле лестницы. Сжал и разжал пальцы правой руки.

— Куда вы меня повезёте?

Вадим не знал.

Это незнание оказалось самым скверным во всём разговоре. Он приготовился выпустить человека, но за распахнутой дверью ничего для него не устроил. Можно было выйти на улицу. Дойти до освещённого перекрёстка. Отдать немного денег на такси — чужих здесь не нашли, свои имелись. Игорь

смотрел на него так, словно видел все эти скудные возможности и каждую уже отверг.

— К родным, — сказал Вадим. — Если хотите.

— Сейчас нельзя.

— В гостиницу.

— У меня нет паспорта.

— Такси вызовем. Сами решите, куда.

— Мне нужно сначала позвонить.

Ян пожал плечами.

— Ко мне можно. У меня диван свободный.

Вадим посмотрел на него.

— Ты подумай.

— Я подумал. Мама отдельно живёт. Никто ночью не придёт. Телевизор, чай. Утром разберёмся.

На лестнице опять появился Демьян, уже с Вадимовой сумкой в руке.

— Что у нас за собрание?

— Ян предлагает у себя посидеть, — сказал Вадим.

— Отлично. Может, ещё всех ваших знакомых соберём? Человек спать хочет.

— Я могу сидеть и спать одновременно, — ответил Игорь. — Последнее время научился.

Ян коротко засмеялся. Игорь впервые взглянул на него без раздражения.

Потом нащупал ногами шлёпанцы у стула и вышел из-за решётки.

Он переступил порог неуверенно, придерживаясь за косяк. Вадим отступил, освобождая место. За открытой дверью остались кровать с примятым покрывалом, стол, на котором лежали замок и ключ, две книги под кроватью. Мужчина оглянулся, словно забыл там что-то важное.

— Возьмите куртку, — сказал Вадим.

— У меня здесь нет.

— А наверху?

Игорь помолчал.

— В прихожей. Справа, в шкафу.

Он знал дом.

Вадим ещё наверху предположил, что пленник может оказаться хозяином, но теперь это знание стало предметным: человек представлял себе собственную куртку в двух десятках шагов от кровати и не мог дойти до неё.

Игорь повернулся к бутылке с водой.

— Это возьмёте?

Ян взял бутылку. Свою сумку он повесил через плечо и поднялся первым. Демьян отдал Вадиму его вещи, отступил к стене, пропуская мужчину. На лестнице Игорь придерживался обеими руками и останавливался через несколько ступеней. Никто его не торопил. Демьян, которому больше всех хотелось уйти, стоял внизу и смотрел только под ноги, стараясь не наступить на чужую пятку.

Наверху Игорь закрыл глаза.

— Свет не включайте.

Вадим не собирался. Из кухни хватало слабого сияния, чтобы видеть лица. Игорь постоял в хозяйственном коридоре, сделал несколько глубоких вдохов, затем опёрся ладонью о белый шкаф. У него выступил пот над верхней губой.

— Плохо? — спросил Вадим.

— Постою.

— Сесть можно.

— Если сяду, вы меня здесь оставите до утра. Не мешайте.

Демьян прошёл на кухню. Снаружи слышалось ровное шуршание дождя по навесу, но машин поблизости не было. Вадим поймал себя на том, что прислушивается к каждому короткому звуку с улицы и ждёт Эдика, которого не сумел бы узнать даже при свете.

Игорь оттолкнулся от шкафа.

В прихожей он задержался возле мокрых ботинок. Поглядел на них, ничего не сказал и открыл соседнюю дверцу шкафа. Сверху лежали коробки, снизу — ещё обувь. Он достал тёмные полуботинки и опустил на коврик.

— Мои, — пояснил он, хотя никто не спросил.

Шлёпанцы оставил под вешалкой, рядом с тремя парами домашних тапочек. Сел на невысокую тумбу и начал обуваться. Левый ботинок натянул быстро, с правым пришлось повозиться. Вадим хотел помочь, но мужчина поднял ладонь, не глядя на него.

Куртка висела там, где он сказал. Коричневая, с вытертым карманом, тяжёлая. Вадим придержал её, пока Игорь попа-

дал в рукава. В одном кармане звякнула мелочь. Мужчина просунул туда руку и достал автобусный билет, сложенный несколько раз.

Развернул.

На обороте что-то было написано синими чернилами. Игорь прочитал, сложил билет так же, как прежде, и убрал обратно. Вадим видел лишь две короткие строчки, букв разобрать не успел.

— Паспорт здесь? — спросил он.

— Нет.

Игорь посмотрел на Вадимову сумку. Удержал на ней взгляд чуть дольше, чем требовалось.

— Часы взяли?

Демьян кашлянул за его спиной.

Вадим кивнул.

— Там с надписью, — сказал Игорь. — Немного получите.

Он не попросил вернуть.

Ян держал бутылку и смотрел попеременно на Вадима и Игоря. Краска выступила у него на скулах; выглядел он сейчас моложе своих двадцати семи, почти как мальчик, которого взрослые втянули в неприятное объяснение.

— Пойдёмте, — сказал Демьян.

Дверь веранды была открыта. За ней пахло мокрой землёй и дымом — где-то топили печь или жгли сырые ветки. Игорь остановился на пороге. Поднял голову к тёмному небу, которое здесь, под навесом, почти не было видно.

— Сколько сейчас?

Вадим достал телефон.

— Почти двенадцать.

— Четверг ещё?

— Шестнадцатое. Да.

Игорь кивнул и шагнул во двор.

Демьян ушёл вперёд за машиной. Ян держался рядом с Игорем, но не брал его под руку; Вадим видел, как он дважды хотел предложить помощь и оба раза передумывал. Приходилось смотреть на дорогу. Между плитками у дорожки скопилась вода, а дальше, возле калитки, лежала мокрая листва. Игорь ступал медленно, испытывая каждой ногой поверхность, словно ещё не совсем доверял тому, на чём стоит.

У забора он оглянулся.

Из окон дома не было видно никого. На кухне по-прежнему горела лампа, и Вадим различал край белого стола, за которым кто-то оставил недопитый чай. Всё выглядело так, будто они сейчас сядут в машину, а хозяева выйдут на крыльцо махнуть вслед.

Игорь смотрел в другое окно, тёмное, на втором этаже.

Потом отвернулся.

Машина остановилась за поворотом. Демьян не стал подъезжать к самой калитке. Открыл заднюю дверь изнутри, откинувшись через сиденье, и зажёгся салонный свет.

Игорь сел первым. Ян обошёл машину и устроился с другой стороны, поставив бутылку в карман двери. Вадим занял

переднее место, сумку положил в ноги. Демьян дождался, пока все закроют двери, но не поехал.

— Договоримся сразу, — сказал он. — Мы вас никуда не звали. Вы сами с нами сели. Утром пойдёте куда хотите.

Игорь не ответил.

— Вы слышали?

— Слышал.

Демьян включил передачу.

Из-под колёс брызнула вода. Вадим увидел в зеркале, как отступает забор, свет кухни, тёмная крыша. Игорь сидел, не поворачивая головы. На коленях у него лежали обе руки, одна поверх другой. Он слишком крепко прижимал их друг к другу.

На первом освещённом перекрёстке Демьян остановился перед красным сигналом. По пешеходному переходу шла женщина под большим зонтом; рядом перебегала маленькая собака в жёлтом комбинезоне. Собака остановилась посреди лужи, и женщина вынуждена была вернуться за ней, сердито придерживая зонт плечом.

Игорь подался вперёд.

— Телефон дадите?

Демьян посмотрел в зеркало.

— Кому звонить?

— Домой.

— Доедем сначала.

— Мне нужно сейчас.

Вадим повернул голову. Игорь смотрел на него, ожидая, что тот хотя бы здесь вмешается.

— Сначала доедем, — повторил Вадим.

Загорелся зелёный. Женщина с собакой уже стояла на тротуаре и вытирала рукавом лицо. Демьян плавно тронул машину, и Игорь откинулся назад.

Больше до моста никто не разговаривал.

Глава 3. Чужой диван

У Яна в подъезде пахло краской. На стене возле лифта висел лист с просьбой не трогать свежие перила, а рядом кто-то уже оставил отпечаток ладони. Вадим подумал, что человек непременно проверит запрет, если ему покажется, что последствия достанутся только пальцам.

Демьян остался внизу. Сказал, что переставит машину, и придержал наружную дверь, пока Игорь поднимался на крыльцо. Теперь втроём ждали лифта. Ян держал бутылку воды и связку ключей, от которой отломился пластмассовый уголок брелока.

— Пятый, — сообщил он. — Если что, не пешком.

Игорь кивнул.

В лифте им стало тесно. Вадим с сумкой встал возле кнопок, Ян притиснулся к стене. Игорь смотрел в небольшое мутное зеркало; под лампой его лицо оказалось желтее, чем в подвале. Мужчина провёл пальцами по щеке, будто щетина удивила его самого.

— Дома бритва есть? — спросил он Яна.

— Электрическая.

— Подойдёт.

Ян улыбнулся. Просьба, по-видимому, понравилась ему больше всех прежних: в ней было что-то простое и хозяйское, с чем легко справиться.

На площадке лежал сложенный детский самокат. Игорь переступил через него, опираясь о стену. Ян открыл дверь, первым зашёл в квартиру и включил свет.

— Тут не очень, — сказал он. — Вы не обращайте.

Вадим бывал здесь дважды и знал, что «не очень» — обычное состояние Яновой квартиры. В коридоре стояли коробки, в комнате тянулись по полу провода. Возле окна висел белый фон для съёмки; его нижний край заворачивался и собирал пыль. На столе перед компьютером лежали чужие часы, дешёвые, с крупными цифрами, несколько флаконов духов и один женский сапог.

Игорь остановился в дверях.

— Это тоже?

— Работа, — ответил Ян. — Это всё настоящее. В смысле, нормальное.

Он снял с дивана тёмное покрывало. Под ним обнаружилась тарелка с засохшим хлебом. Вадим поднял её, перенёс на маленький стол возле окна и потянулся к пакетам, занимавшим другой край дивана.

— Эти сюда, — сказал Ян и освободил ногой место под своим рабочим столом. — Я потом разберу.

Игорь прошёл к дивану, но не сел. Расстёгивал куртку, глядя на молнию с такой сосредоточенностью, что Вадим подошёл помочь. Мужчина не возражал. Сняв куртку, он сложил её пополам и положил возле себя.

— Можно на вешалку, — предложил Ян.

— Пусть здесь.

Игорь опустился на диван. Полуботинки снял сам и поставил рядом носками к двери. Вадим заметил это, но не придал значения: привычка аккуратно располагать обувь не делала человека понятнее.

Ян метался между кухней и комнатой. Принёс чистую чашку, увидел, что в ней стоит чайная ложка с присохшим мёдом, унёс обратно. Включил чайник. Нашёл в шкафу постельное бельё, вытянул простыню, вместе с которой на пол посыпались старые чехлы от подушек.

— Не надо стелить, — сказал Игорь.

— Это быстро.

— Я ненадолго.

Ян остановился с простынёй в руках.

— Ну, пусть будет.

Он сложил её вдвое и оставил на спинке кресла.

Вадим снял перчатки. Кожа на ладонях вспотела, и холодный воздух квартиры оказался приятным. Он убрал перчатки в наружный карман сумки, а саму сумку поставил под стул у входа. От неё теперь несло чужим домом — тёплым деревом, каким-то слабым запахом духов. Часы и медальон лежали там же, где он их оставил.

Игорь смотрел на Яна.

— Вы один здесь?

— Сейчас да.

— Семья есть?

— Мама. Я говорил.

— Она знает, чем занимаетесь?

Ян положил бутылку воды на стол, рядом с тарелкой.

— Съёмкой? Знает.

Игорь промолчал.

— Чай будете? — спросил Ян.

— Буду.

Из коридора постучали. Вадим вышел открыть Демьяну, который держал небольшой магазинный пакет. Снял шапку и сразу спросил, где можно вымыть руки.

— Там, — Вадим показал.

Демьян отдал ему пакет. Внутри лежали хлеб, нарезанный сыр и два маленьких йогурта.

— У человека, может, желудок, — пояснил он. — Не покупать же ему колбасу в час ночи.

Он прошёл в ванную, оставив куртку на крючке в прихожей. Из одного кармана торчал чек. Вадим отнёс продукты на кухню.

Ян уже достал нож и доску. Хлеб в упаковке оказался нарезанным, но он всё равно выложил несколько ломтей, старательно прикрыл сыром. На столе лежал раскрытый блокнот. Между листами торчала маленькая фотография женщины с короткой стрижкой; оборот был исписан цифрами.

— Мать? — спросил Вадим.

— Угу. Для пропуска снимал. Ей не понравилось.

— Почему?

— Сказала, выглядит старой. Я говорю: мам, для пропуска надо, чтобы узнавали, а не чтобы женились.

Он улыбнулся, но фотографию спрятал в блокнот.

— Завтра новую сделаю.

Вадим взял тарелку с бутербродами. Ян понёс чай.

Игорь сидел в той же позе, только куртку подвинул ближе к себе. Вадим поставил тарелку перед ним. Мужчина посмотрел на хлеб, осторожно потянулся и взял один кусок.

— Не знаю, что вам можно, — сказал Вадим.

— Хлеб можно.

Он ел медленно, небольшими кусками, словно проверял, не начнётся ли от обычной еды какая-нибудь новая неприятность. Ян стоял возле окна с чашкой в руке и, кажется, ждал, что гость что-нибудь похвалит. Не дождавшись, сел на подлокотник кресла.

Демьян вышел из ванной, вытирая руки бумажным полотенцем.

— Ну вот, — сказал он. — Уже лучше. Садись, Вадик, а то мы над ним как врачи.

Вадим сел на стул, под которым стояла сумка.

Некоторое время все молчали. Ян взял пульт, но Игорь покачал головой, и телевизор остался тёмным. На экране отражались они четверо: двое на разных концах комнаты, один на диване и Ян на подлокотнике, чуть выше остальных.

— Кому вы хотели позвонить? — спросил Вадим.

Игорь отложил недоеденный бутерброд.

— Дочери.

— Она знает, где вы были?

Мужчина посмотрел на него.

— Дайте телефон.

— Я спросил просто.

— Вы с дочерью тоже так разговариваете?

— У меня нет дочери.

— Понятно.

Это «понятно» Вадиму не понравилось. Он не считал бездетность недостатком, который незнакомый человек вправе подводить под всё его поведение. С Ларисой они говорили о детях однажды, в начале знакомства. Ей было уже сорок, ему сорок три; оба старались звучать так, будто давно всё решили, а после разговора охотно занялись ужином.

— Мы вас оттуда вытащили, — сказал он.

— Я помню.

Демьян наклонился, поднял с пола упавший край простыни и положил обратно на кресло.

— Давайте не начинать. У всех нервы. Вы ему номер скажите, он наберёт. Только без фокусов.

Игорь медленно повернул голову к Демьяну.

— Каких?

— Обыкновенных. Мы вам не враги, но тоже не хотим потом объясняться.

— А что мне говорить дочери?

Демьян пожал плечами.

— Что живы. Что у знакомых. Утром придёте.

— У каких знакомых?

— Игорь, ну вы взрослый человек.

Вадим достал телефон и открыл набор номера. Ему хотелось закончить этот разговор, пока он окончательно не стал похож на допрос. Поднял глаза, ожидая цифр.

Игорь посмотрел на экран и не сказал ничего.

— Номер, — напомнил Вадим.

— Не помню.

Ян кашлянул в чашку.

— У меня всё было в телефоне, — сказал Игорь. — Мне его не оставили.

— Жены? — спросил Демьян.

— Тоже.

— Домашний есть?

— Старый, в доме. В котором мы были. Можете туда набрать.

Демьян отвёл глаза.

— Я могу её рабочий номер найти, — сказал Игорь. — В интернете есть. Дайте я сам.

Вадим не протянул телефон.

— Фамилию скажите. Найдём.

Игорь посмотрел на Демьяна, затем на Яна.

— Я хотел с ней один поговорить.

— Сейчас не надо лишнего, — сказал Демьян. — Утром спокойно всё объясните.

Вадим мог возразить. Вместо этого ждал, что Игорь назовёт фамилию и разговор как-нибудь продолжится сам. Но мужчина молчал.

Вадим погасил экран.

— А на бумажке в кармане?

Игорь сразу коснулся куртки.

— Что?

— Вы читали там что-то. Когда одевались.

Мужчина помолчал. Потом взял куртку, достал сложенный билет. Держал его закрытым, между большим и указательным пальцами.

— Это не родственники.

— Но позвонить можно?

— Уже поздно.

— Вы же сами просили.

— Дочери.

Вадим почувствовал, что начинает злиться.

Мужчина убрал билет в куртку.

— У вас есть зарядка? — спросил он у Яна и тут же поморщился. — Извините. Привычка. Телефона-то нет.

Ян покачал головой.

— Ничего. Я тоже иногда ищу очки, когда они на носу.

— В ваших годах я ещё всё помнил.

— Это вы сейчас так помните.

Игорь посмотрел на него, затем усмехнулся. Тихо, одними губами.

От этой маленькой уступки стало легче всем. Даже Демьян развернулся на стуле и взял бутерброд. Ян соскочил с подлокотника, ушёл в маленькую комнату и вернулся с бритвой.

— Вот. В ванной зеркало нормальное. Только кран тугой, вправо не крутите до конца, он начинает капать.

Игорь взял бритву, посмотрел на переключатель.

— Заряжена?

— Да.

Он встал. Вадим хотел опять предложить помощь, но вовремя удержался. Мужчина дошёл до коридора сам, медленно, ставя ноги шире обычного. Дверь ванной закрыл не полностью. Через несколько секунд оттуда донеслось тихое жужжание.

Демьян сразу повернулся к Яну.

— Ничего у него не спрашивай. Пусть спит. Утром встанет — проводишь. И сразу нам позвонишь.

— Я понял.

— Нет, ты любишь потом своё придумать. Не надо. Мы сейчас поехали, всё закончилось.

Вадим посмотрел на него.

— Тот, кто ему дверь запирал, так не решит.

— Пусть ищет свои проблемы. Мы их не нанимались решать.

— Где ты адрес взял?

Демьян дожевал хлеб, проглотил. Пальцем собрал с тарел-

ки крошку, но есть не стал, смахнул на бумажную салфетку.

— Ты раньше спросить не мог?

— Сейчас спрашиваю.

— Знакомый. Сказал, дом пустой. Не сказал, что в подвале люди сидят.

— Какой знакомый?

— Вадим.

Он редко называл его полным именем. Теперь оно прозвучало предупреждением.

— Я с ним поговорю. Не при парне и не при этом человеке. Завтра. Тебе скажу. Устроит?

Вадим не ответил сразу.

Из ванной донеслась вода. Жужжание прекратилось.

— Устроит, — сказал он.

Демьян кивнул, словно получил извинение.

Ян смотрел в телефон. Он перестал участвовать в разговоре и сидел очень прямо, придерживая чашку возле колена. Потом встал, отнёс её на кухню. Когда вернулся, поставил телефон на подоконник экраном к стеклу. На столике под окном всё ещё стояла тарелка, которую Вадим убрал с дивана.

— Заряжу, — пояснил Ян никому в особенности.

Вадим увидел тонкий белый провод и не стал следить, куда он тянется.

Игорь вернулся без бритвы. Лицо его изменилось: нижняя часть стала меньше, яснее обозначились губы. На подбород-

ке осталось несколько серых волосков. Он сел на диван и попросил ещё чаю.

Ян принёс. Затем достал из шкафа клетчатый плед, встряхнул его и протянул гостю.

— От окна тянет. Тут рама старая.

Игорь положил плед на колени.

Демьян поднялся.

— Всё. Утром созвонимся.

Вадим оставался на стуле. Ему казалось, нужно ещё о чём-то договориться, что-то сделать, чтобы уход не выглядел бегством. Спросить фамилию. Узнать, сколько человек просидел внизу. Проверить, действительно ли у Яна хватит постельного белья. Но ни один из этих вопросов уже не помогал закончить вечер.

— Дверь изнутри открывается? — спросил он.

Ян посмотрел на него с удивлением.

— Конечно.

Вадим обратился к Игорю:

— Захотите уйти — идите. Никто не держит.

— Спасибо за разрешение.

Демьян в коридоре шумно выдохнул.

Вадим встал, взял сумку.

— Я утром заеду.

Игорь кивнул.

У двери Ян придержал Вадима за рукав. Тот обернулся.

— Ты не думай, я нормально, — сказал парень. — Я не

дурак. Если ему плохо станет, вызову скорую. Если захочет уйти, не буду мешать.

Вадим посмотрел на него. От Яна пахло чаем и каким-то дешёвым мятным средством, которым он недавно умывался. На шее, возле воротника, виднелась маленькая родинка. Раньше Вадим её не замечал.

— Не геройствуй только.

— Это ты у нас.

Вадим поморщился, а Ян улыбнулся и отпустил рукав.

Демьян ждал у лифта. На стене возле его плеча кто-то написал номер квартиры и стрелку, указывавшую в противоположную сторону от Яновой двери.

— Едешь? — спросил он.

— Сам дойду.

— Дождь.

— Почти кончился.

Демьян посмотрел на сумку.

— Наше завтра поделим. Не потеряй там.

— Часы его.

— Это я слышал.

Вадим молчал.

— Что ты хочешь? — спросил Демьян. — Отдать? Так отдай. Я назад за тобой идти не буду.

Лифт открылся. Внутри было пусто. Демьян вошёл, придерживая дверь, но Вадим покачал головой.

— Пешком.

— Смотри сам.

Двери закрылись. Вадим постоял перед ними, слушая, как кабина уходит вниз. Потом посмотрел на дверь Яновой квартиры.

Можно было вернуться. Достать из сумки серый футляр и прозрачный пакет, положить на стол. Ничего сложного в этом не было. Вадим даже представил, как удивится Ян, как Игорь проверит надпись на обороте часов и, вероятно, снова ничего не скажет.

Он повернулся к лестнице.

На улице дождь действительно почти закончился. Только с карнизов падали тяжёлые редкие капли. Демьянова машина уже уехала. Вадим прошёл между припаркованными автомобилями, остановился под фонарём и достал телефон.

Лариса написала сорок минут назад: «На субботу ответ нужен. Я обещала сказать, сколько нас будет».

Он набрал: «Двое».

Посмотрел на слово, отправил.

На экране было без нескольких минут час. Вадим спрятал телефон и пошёл к большой улице, где ещё можно было поймать такси. Сумку нёс в правой руке. Старался не раскачивать, чтобы футляр не бился об инструмент.

Глава 4. Фотография для пропуска

Утром часы лежали на кухонном столе Вадима, рядом с солонкой.

Он вынул их ещё ночью, чтобы футляр не оставался в сумке с инструментом. Теперь застёжка была раскрыта, и на внутренней стороне браслета виднелась потёртость. Часы носили много лет. Надпись на обороте оказалась короткой: «Игорю. Тридцать лет вместе. Тома».

Вадим прочитал её дважды, закрыл футляр и убрал в кухонный шкаф. Медальон, не раскрывая, положил рядом. За дверцей стояли банки с крупой, открытая пачка кофе и маленькая бутылка коньяка, оставшаяся с весны. Ничего надёжного в таком тайнике не было. Он просто не хотел, чтобы вещи лежали перед глазами, пока завтракает.

Ян не отвечал. Вернее, телефон сообщал, что абонент недоступен. Вадим проверил имя на экране и позвонил ещё раз, хотя понимал бессмысленность этого движения.

Потом набрал Демьяна.

Тот взял трубку не сразу.

— Да.

Голос был низкий, сонный.

— Ян тебе звонил?

— Нет.

— У него телефон выключен.

— Разрядился, наверное.

Вадим вспомнил белый провод на подоконнике, но ничего не сказал. Провод мог оказаться не подключённым; он сам не посмотрел.

— Я съезжу к нему.

— Зачем так рано?

— Уже почти десять.

Демьян помолчал.

— Ну съезди. Мне напишешь. Я попозже выйду.

— Ты с тем своим поговорил?

— С каким?

— Который дом дал.

— Ещё нет.

На этот раз пауза возникла у Вадима.

— Дём.

— Я только проснулся. Сейчас кофе выпью и буду со всеми разговаривать. Не начинай с утра.

Вадим убрал телефон от уха. На другом конце ещё что-то говорили, потом связь оборвалась.

Он допил чай, оставил чашку в раковине. Лариса на его ночное сообщение ответила большим пальцем, поднятым вверх. Обычно она не любила такие ответы и требовала слов, но сейчас, видимо, торопилась. Вадим хотел написать, что утром заедет к ней, и передумал: прежде следовало выполнить хотя бы одно из обещаний, которые он уже раздал.

Сумку с инструментом оставил дома.

***

Возле Янового подъезда женщина в светлом плаще пыталась удержать ногой наружную дверь и одновременно достать из сумки телефон. В другой руке у неё висели плечики с блузкой под прозрачным чехлом. Плечики всё время поворачивались боком и мешали пройти.

Вадим придержал дверь.

— Спасибо, — сказала женщина. — У них код опять сменили. Мне сообщить, конечно, некогда.

Она вошла, пропустила Вадима, затем долго проверяла, закрылась ли дверь за ними.

— Вам какой? — спросила возле лифта.

— Пятый.

— Мне тоже.

Блузка была белая, с маленькими складками у воротника. На чехле возле плеча осталась магазинная наклейка. Женщина заметила Вадимов взгляд и поправила ткань через пластик.

— Не люблю, когда всё потом мятое, — пояснила она.

Он кивнул.

В лифте она набрала номер, поднесла телефон к уху и почти сразу отвела.

— Спит ещё, — сказала. — Вчера сам велел приходить к десяти.

Вадим посмотрел на неё внимательнее.

Короткая стрижка. Небольшая складка над правой бровью. На фотографии в блокноте она казалась строже, потому что не улыбалась.

— Вы к Яну?

Женщина обернулась.

— Да. А вы?

— Тоже к нему. Вадим.

— А, — сказала она и кивнула уже иначе. — Галина.

Он понял, что имя ей знакомо, но не знал, в каком объяснении сын его произносил. Стоял, стараясь придумать, чем занимается достаточно приличный человек, которого Ян мог приводить матери в пример. Галина не стала помогать.

— Вы по работе? — спросила она.

— По делам.

— Он сейчас много набрал. Мне в среду говорит: мам, ты блузку принеси, я тебя пересниму. А я говорю, мне не блузку надо менять, мне надо, чтобы он свет нормально поставил. В прошлый раз как в больнице получилось.

Вадим улыбнулся.

— Он говорил.

— Вот. И вам нажаловался.

Лифт остановился. Галина вышла первой, сразу обошла детский самокат, словно прекрасно знала, где его оставляют. Перед Яновой дверью остановилась, нажала звонок и прислушалась.

— Ян.

В квартире ничего не было слышно.

Она позвонила ещё раз.

Вадим достал свой телефон. Абонент по-прежнему был недоступен.

— Что-то у него совсем, — сказал он.

— Бывает. Мог ночью доработать и лечь под утро.

Галина положила плечики с блузкой на перила. Сняла сумку с плеча и начала искать ключи. Вадим повернулся к стене, чтобы не нависать над ней. На свежей краске тянулся след от чьей-то сумки; ниже, у плинтуса, лежал оторванный конец малярной ленты.

Галина нашла связку, примерилась к замку. Дверь чуть подалась внутрь прежде, чем ключ попал в скважину.

Она замерла.

— Ян?

Вадим шагнул ближе.

— Вы уже заходили? — спросила она.

— Нет. Я с вами приехал.

— Да. Верно.

Она толкнула дверь.

В коридоре горел свет. Демьяновой куртки на крючке, разумеется, не было; Вадим всё равно посмотрел на это место, как на отметку, по которой можно восстановить вчерашний вечер. Коробки стояли вдоль стены. Один картонный клапан торчал поперёк прохода, и Галина машинально подогну-

ла его ногой.

— Ян, у тебя открыто.

Она говорила негромко, скорее сердито, чем испуганно. Сын должен был выйти, протирая лицо ладонями, объяснить, что с дверью всё в порядке, или вообще не знать, почему она не захлопнулась. Потом Галина нашла бы, куда повесить белую блузку, и пришлось бы решать, сначала фотографироваться или пить чай.

Вадим остановился в дверях комнаты.

Ян лежал на полу возле стола. Ноги были вытянуты в проход, правая рука согнута под ним. Футболка сбилась к плечу, обнажив часть живота. Один тапок остался на ноге, второй валялся под стулом.

Первым чувством Вадима стало раздражение: зачем он так лёг, зачем напугал мать. Оно продержалось меньше секунды, но успело случиться, и потом Вадим будет вспоминать именно его.

Галина прошла мимо.

— Сынок.

Она опустилась на колени, поставив сумку рядом. Потрясла его за плечо. Вадим видел её ладонь на ткани, кольцо, съехавшее почти к суставу, и не мог заставить себя сделать оставшиеся два шага.

— Ян, — повторила она. — Вставай.

Голова мужчины была повёрнута к окну. Там по-прежнему висел белый фон для съёмки. Дневной свет делал комна-

ту плоской, неуютной; под компьютерным столом были видны пыль и забытый носок.

Вадим достал телефон. Пальцы попали не туда, на экране открылся список недавних вызовов. Он закрыл его и набрал номер экстренной службы.

Галина уже не звала сына. Наклонилась к его лицу, затем резко выпрямилась и посмотрела на Вадима.

— Скорую.

— Звоню.

Она снова повернулась к Яну.

Вадим назвал адрес, квартиру, сказал, что мужчина лежит без сознания и не отвечает. На вопрос о дыхании ответил не сразу. Пришлось подойти ближе, присесть, говорить с женщиной в телефоне и одновременно слышать Галину, которая повторяла, что он вчера был совершенно нормальный.

Он делал то, что ему говорили. Снимал куртку, отодвигал стул, просил Галину подождать. Слова не складывались в связный разговор; существовало только очередное короткое действие, после которого в телефоне задавали следующий вопрос. Свою куртку Вадим бросил возле двери, и она накрыла второй Янов тапок.

Медики приехали, когда Галина сидела на полу, держась обеими руками за край стола. Вадим услышал голоса в прихожей, поднялся и едва не упал: занемела нога. Потом ему пришлось отойти и пропустить людей с сумками.

Он оказался в коридоре.

На перилах за открытой входной дверью всё ещё висела белая блузка. Вадим подошёл, снял её и принёс в квартиру. Повесил на свободный крючок.

Из комнаты спросили, кто родственник.

Галина ответила.

Вадим прислонился к стене. Он знал, что сейчас скажут, но всё равно ждал. Хотел, чтобы ошибся. Чтобы произошло что-нибудь простое и унизительное: Ян открыл глаза, выругался, попросил всех выйти. Тогда можно было бы рассердиться на него за этот ужас, и он был бы обязан терпеть.

Вместо этого мужчина из бригады вышел к Вадиму и спросил его имя.

— Рябинин Вадим.

— Вы обнаружили?

— Мы с его мамой.

— Подождите здесь. Полицию вызвали.

Он говорил спокойно, и Вадим никак не мог понять, откуда берётся возможность произносить такие слова обычным голосом.

***

Галина хотела позвонить кому-то, но не могла найти телефон.

Он лежал в сумке, и сумка была рядом с ней. Вадим показал, она достала аппарат, подержала перед собой и положи-

ла обратно. В комнате оставаться ей было тяжело, в коридор она не шла. Тогда Вадим принёс из кухни стул и поставил возле открытой двери, так, чтобы она могла видеть сына, не сидя на полу.

Галина села.

— Он не пил, — сказала она.

Вадим посмотрел на неё.

— Вчера не пил. Я с ним разговаривала. Он всегда голосом выдаёт, когда выпьет. Думает, что не слышно, а мне слышно.

— Вчера не пил, — подтвердил Вадим.

— Вы его видели?

Он кивнул.

— Поздно?

— Ночью.

Галина посмотрела в комнату. Один из медиков что-то записывал. Его напарник убирал свои вещи. Яна больше не было видно целиком; Вадим старался не смотреть на то место, где из-под края ткани выступала кисть.

— Вы работали?

Вадим открыл рот и понял, что не сможет произнести это слово.

— Были у него.

— С Демьяном?

— Да.

Она кивнула, принимая ответ как нечто совершенно

обычное. Вадим почувствовал тошноту.

— Он вам говорил, что я приду?

— Говорил про фотографию.

Галина посмотрела на блузку в прихожей.

— Я ведь не ради этого. Мне его увидеть хотелось. Он мог бы старую оставить, мне всё равно.

Вадим не нашёл ответа. Ян говорил об этом совсем иначе, смешно, немного свысока, с нежностью, которую сам, наверное, не любил показывать. Вадим помнил точную фразу про то, чтобы на матери не женились, но повторить её здесь было невозможно.

Телефон завибрировал у него в руке.

Демьян.

Вадим отошёл в кухню, оставляя Галину в поле зрения.

— Ты доехал? — спросил Демьян.

— Ян умер.

На другом конце стало тихо.

Вадим смотрел на стол. Между листами блокнота по-прежнему торчал край фотографии. Нож лежал на доске рядом с двумя ломтями хлеба и упаковкой от сыра.

— Что значит умер? — спросил Демьян.

— Мы нашли его. Мать пришла. Скорая здесь.

— А тот?

Вадим закрыл глаза.

Он уже заметил пустой диван. Не увидел коричневой куртки, тёмных ботинок, самого Игоря. Но до Демьянова во-

проса всё это не складывалось в отдельное событие, которое теперь необходимо было назвать.

— Его нет.

— Ты квартиру посмотрел?

— Нет.

— Посмотри.

— Здесь люди.

Демьян помолчал.

— Я еду. Ничего пока не говори про дом.

— Дём...

— Про дом. Пока. Сейчас приеду, разберёмся. Ты от него когда ушёл?

— После тебя.

— Я помню. Во сколько?

— Не знаю. Перед часом.

— Ладно. Я еду.

Связь оборвалась.

Вадим вернулся в коридор. Галина всё-таки кому-то звонила. Говорила только «приедь» и название улицы. Голос у неё стал деловым, незнакомым; она повторила адрес ещё раз, словно человеку на другом конце нужно было доставить сюда посылку.

Вадим увидел свою куртку у двери. Поднял её. Из-под ткани выкатился Янов тапок, и он оставил его лежать на том месте, где тот остановился.

В прихожую вошли двое в форме.

Один попросил показать документы. Вадим достал паспорт. Полицейский раскрыл его, сравнил фотографию с лицом и спросил, кто звонил.

— Я.

— Кем приходитесь?

— Знакомый.

— Когда последний раз видели живым?

Вадим услышал, как Галина закончила разговор. Теперь она сидела совсем неподвижно, глядя на него.

— Сегодня ночью. Перед часом.

Полицейский записал.

— Кто ещё был?

Вадим посмотрел в комнату.

На подоконнике лежал белый провод. Конец его свисал вниз, к батарее. Телефона Яна там не было.

— Демьян Серов. И ещё один мужчина.

Галина повернула голову.

— Какой мужчина?

Вадим не ответил ей сразу. Полицейский ждал, держа ручку над бумагой.

— Игорь, — сказал Вадим. — Фамилии я не знаю.

Глава 5. Человек без фамилии

Полицейский попросил Вадима выйти на площадку.

Там уже стояла соседка с шестого этажа, которую Вадим никогда прежде не видел. Она держала пустой пакет из магазина и смотрела на открытую дверь с таким выражением, словно собиралась возмутиться, но ещё выбирала, на что именно. Второй полицейский попросил её пройти к себе. Соседка сказала, что вообще-то шла за хлебом, и медленно спустилась по лестнице.

Вадим надел куртку. Руки дрожали, и язычок молнии не попадал в прорезь.

— Как давно знаете этого Игоря?

— Со вчерашнего дня.

— Где познакомились?

Вадим опустил руки.

За дверью Галина что-то спросила у медиков. Ответа он не расслышал.

— В Заволжье.

— Где именно?

— В частном доме.

Полицейский ждал продолжения. На его нагрудном кармане был маленький белый след, похожий на засохшую краску. Вадим смотрел на него, потому что смотреть в лицо было трудно.

— Вы вместе туда ездили?

— Да.

— К кому?

— Я хозяев не знаю.

— Кто вас пригласил?

Вадим перевёл взгляд на закрытую дверь лифта. Кабина поднималась; за металлом скрипело, потом скрип прекратился, не дойдя до их этажа.

— Нас не приглашали.

Полицейский перестал писать.

Вадим понял, как это прозвучало. Не признание, ещё нет, но и до нормального объяснения было далеко. Он мог сказать, что они приехали за вещами, что хотели что-то купить, что Ян снимал чужой интерьер. Любой из этих ответов на несколько минут сделал бы его жизнь проще. Потом понадобились бы вещи, деньги, заказчик; чужой человек за решёткой всё равно не поместился бы ни в один ответ.

— Я расскажу, — сказал он. — Только не здесь.

— Хорошо. Пока опишите мужчину.

На это Вадим отвечать мог. Возраст приблизительный, рост, серый свитер, коричневая куртка. Полицейский уточнял, были ли заметные повреждения, как тот говорил, представился ли сам. Вадим старался не прибавить к увиденному то, чего не знал. Слабым Игорь казался, но до пятого этажа они поднялись на лифте. Небритым был сначала, потом побрился. Да, у Яна. Да, его бритвой. Полицейский попросил

вернуться к одежде.

Пока Вадим вспоминал цвет брюк, снизу послышались быстрые шаги. Поднялась невысокая женщина с большой сумкой через плечо. Волосы она кое-как собрала резинкой; на левом ухе была серьга, на правом не было.

— Галя здесь?

Полицейский спросил, кто она.

— Раиса. Подруга. Она мне позвонила.

Он заглянул в квартиру и позвал Галину.

Та появилась в дверях, держа сумку перед собой обеими руками. Увидела подругу и остановилась. Раиса подошла, обняла её. Вадим отвернулся к окну между этажами, но всё равно услышал, как Галина наконец заплакала. До этого она говорила, спрашивала, искала телефон. Теперь говорить было невозможно.

Раиса гладила её по спине и повторяла только имя.

Полицейский отошёл на несколько ступеней вниз, давая им место, и Вадим последовал за ним. Здесь пахло мокрой штукатуркой. Внизу хлопнула дверь подъезда.

Демьян поднимался пешком.

Сначала Вадим увидел его руку на перилах, потом лицо. Щетина, помятый воротник, застёгнутая на одну пуговицу короткая куртка. Демьян остановился, заметив полицейского, и несколько секунд смотрел мимо него, на Галину.

— Дём, — позвала она.

Он прошёл наверх. Раиса не отступила, но Галина осво-

бодила одну руку и взяла его за рукав.

— Ты был с ним?

— Был.

— Нормальный он был?

Демьян кивнул.

— Галечка, нормально всё было. Мы сидели, разговаривали. Чай пили.

— А потом что?

Он не ответил. Накрыл её руку своей и стоял так, не пытаясь утешить. Вадим испытал короткую благодарность: Демьян хотя бы не говорил того, чего сейчас нельзя было слушать.

— Пройдёмте, — сказал ему полицейский.

Демьян выпустил Галинину руку.

— Я потом к тебе, — произнёс он. — Всё сделаем. Что надо будет — всё.

— Что сделаем? — спросила она.

Раиса крепче обняла её за плечи.

Демьян посмотрел на Вадима, но заговорить с ним не успел: его повели вниз, к площадке следующего этажа. Вадим остался возле окна. Он слышал отдельные слова, собственное имя, имя Яна, затем полицейский попросил говорить тише.

Через некоторое время приехали ещё люди. Женщина в тёмном пальто показала удостоверение оставшемуся у двери сотруднику и вошла в квартиру. Следом прошёл мужчи-

на с жёстким чемоданом. Вадим отодвинулся, освобождая проход, хотя никому не мешал. Подъезд, в котором полчаса назад ещё можно было подумать, что Ян просто спит, постепенно становился местом, куда посторонние приезжают по работе.

Галину с Раисой попросили пока подождать у соседки напротив. Соседка сама открыла дверь и предложила воды. Прежде чем уйти, Галина посмотрела на Вадима.

— Кто этот Игорь?

— Не знаю.

Она ждала.

— Мы его вчера привезли. Ему некуда было идти.

— К моему сыну?

— Ян сам предложил.

Галина отпустила подругину руку.

— А ездить с вами по ночам он тоже сам предложил?

Вадим не знал, что Ян рассказывал ей об этих поездках. Рядом стояла Раиса, возле открытой двери — полицейский. Сказать, что её сын давно взрослый, он не смог.

— Галя, давай зайдём, — сказала Раиса.

— Подожди.

Галина продолжала смотреть на него.

— Сколько ему лет? Этому человеку.

— Под шестьдесят.

— И вы оставили его у Яна.

— Да.

Галина кивнула, будто наконец получила ответ на другой вопрос. Повернулась и вошла к соседке. Раиса задержалась на пороге.

— Ничего ей пока не обещайте, — тихо сказала она обоим мужчинам.

Демьян к тому времени вернулся наверх. Он подождал, пока дверь закроется, и встал рядом с Вадимом у окна.

— Что ты рассказал?

— Про Игоря.

— Это понятно. Про дом?

Вадим показал глазами на полицейского возле Яновой квартиры. Демьян понизил голос.

— Я сказал, что подобрали человека. Он в неприятность попал. Ян предложил переночевать. Всё как было.

— Где подобрали?

— Сказал, за Волгой.

Вадим посмотрел на его руки. Демьян крутил в пальцах автомобильный ключ, утапливая ногтем одну кнопку и отпуская, но не нажимая до конца.

— Они спросят, что мы там делали.

— И спросят. Ты сейчас главное не начинай выдавать всё сразу. Сначала понять надо.

— Что понять?

Демьян повернулся к нему всем телом.

— Почему он мёртвый.

Вадим молчал.

— У тебя что, ответ уже есть?

— Нет.

— У меня тоже нет. Мы вчера человека из подвала достали. Сегодня Яна нет. Давай хотя бы одну минуту подумаем, прежде чем ещё кого-нибудь туда же тащить.

— Куда — туда же?

Демьян сжал ключ в ладони.

— Ты прекрасно понял.

Из квартиры вышла женщина в пальто. Теперь пальто было расстёгнуто; на шее у неё висел тонкий шарф, один конец которого она убрала под воротник. Она посмотрела сначала на Демьяна, потом на Вадима.

— Рябинин?

— Я.

— Олеся Глухова, следователь Следственного комитета. Мне нужно с вами поговорить. Пройдёмте.

Демьян сделал движение, словно собирался идти вместе с ним.

— С вами отдельно, — сказала она.

Вадим вошёл в квартиру.

В комнате работали, и он задержался возле двери, пытаясь не наступить на место, где раньше лежала его куртка. Глухова заметила это.

— Что здесь было?

Он рассказал про куртку и тапок. Потом про стул, который отодвигал, когда говорил с диспетчером. Показал, отку-

да принёс второй стул для Галины. Следователь попросила повторить мужчине, делавшему записи у входа в комнату. Пришлось ещё раз сказать, где лежал Ян, как к нему подошла мать и что делал сам Вадим. Во второй раз он запутался, какой ногой первым переступил через вытянутые ноги Яна, остановился и сказал, что этого не помнит.

— Так и говорите, — ответила Глухова.

На кухне она предложила ему сесть, сама осталась стоять у стола. Блокнот с фотографией лежал на прежнем месте. Вадим старался не смотреть на выступающий край снимка.

Следователь объяснила, что сейчас ей нужны его объяснения об обстоятельствах ночи и обнаружения тела. Сказала о праве не отвечать на вопросы против себя и о возможности воспользоваться помощью адвоката. Он слушал, кивая раньше, чем она заканчивала фразы. Глухова дождалась, пока он перестанет кивать, и спросила, всё ли понятно.

— Да.

— Тогда начнём с того, во сколько вы ушли.

Вадим достал телефон. Нашёл переписку с Ларисой. Сообщение «Двое» было отправлено в ноль пятьдесят семь.

— Вот. Это уже на улице написал.

— Кому?

— Ларисе Чубовой. Мы завтра должны были вместе пойти к её подруге.

Он услышал собственное «должны были». Вроде бы никто ещё не отменял субботу, и всё-таки прежнего будущего уже

не было.

— Вы в это время с ней разговаривали?

— Нет. Только написал.

— Она видела, откуда вы пишете?

— Нет.

Глухова записала имя и номер, который он назвал. Телефон вернула ему.

— После этого куда пошли?

— Домой.

— Пешком?

— Да.

— Далеко?

— Минут двадцать. Наверное. Я не засекал.

Она попросила адрес. Потом спросила, кто мог видеть его дома.

Никто не мог. Это было обыкновенное обстоятельство его жизни, вполне устраивавшее его ещё утром: пришёл, разделся, никто не спрашивает, где был. Сейчас оно прозвучало как недостающее оправдание.

— Один живу.

— Я поняла. К Яну после ухода возвращались?

— Нет.

— Он вам звонил?

— Нет.

— Сообщения были?

Вадим проверил, хотя знал ответ. Последнее сообщение

от Яна пришло ещё днём, до поездки. Тот прислал фотографию новых кроссовок и написал, что в таких не стыдно получить наследство. Вадим тогда не ответил.

Теперь показал экран следователю.

— Больше ничего.

Она не улыбнулась над кроссовками, не переспросила, какое наследство. Только уточнила, можно ли записать время сообщения. Вадим согласился.

Дальше она попросила рассказать, кто был в квартире и что происходило до его ухода. Он рассказал про чай, еду, бритьё, про диван. Сначала старательно обходил то, что случилось раньше, но чем подробнее становился рассказ, тем нелепее выглядел гость: незнакомый человек без телефона и паспорта, которому трое взрослых мужчин целый час не могли помочь позвонить дочери.

— Почему он не позвонил с вашего телефона? — спросила Глухова.

— Я не дал.

— Почему?

Вадим потёр ладонью лоб.

— Не хотел, чтобы он кому-то рассказал, где находится.

Глухова подняла глаза от бумаги.

— Вы привезли его сюда против его воли?

— Нет.

Слово прозвучало уверенно, а затем Вадим вспомнил человека за решёткой. «Положите обратно». Вадим всё-таки

открыл замок.

— Он сам вышел, — добавил он. — Мы не тащили.

— Откуда вышел?

— Из дома.

— Из какого дома, Вадим?

Она впервые назвала его по имени. Не мягко и не угрожающе — как человека, который сидит перед ней и уже несколько раз обошёл один и тот же вопрос.

Он посмотрел на фотографию Галины. Видел только уголок волос и стену за её плечом.

— Мне нужен адвокат.

Глухова положила ручку.

— Есть кому позвонить?

— Есть.

Номер Сергея Кузьмина был у него записан. Семь лет они не разговаривали; Вадим не знал, работает ли тот ещё, не сменил ли телефон. Но произнёс «есть» так, словно Кузьмин уже сидел в машине под окном и ждал вызова.

— Хорошо, звоните.

Вадим набрал номер. Долго слушал гудки. Потом включился обычный записанный голос, и он сбросил вызов.

— Не отвечает.

— Вы можете связаться с другим адвокатом. Если хотите, подождём немного. До этого на вопросы о доме отвечать не будете?

— Не буду.

Она записала его ответ.

Вадиму показалось, что теперь надо было что-то сделать для Яна. Немедленно. Назвать подозрение, выдать хоть одну полезную вещь вместо этого отказа. Он сказал про отсутствующий телефон, а потом поспешно уточнил, что не искал его по всей квартире.

— Вчера стоял на подоконнике. Экраном к окну. На зарядке.

— Вы видели, что он заряжался?

— Нет. Провод видел. Ян сказал.

— Поняла.

— Вы его найдёте?

Глухова посмотрела на Вадима. Он понял, что она могла спросить то же самое о человеке, которого он привёз без фамилии.

Вместо этого она сказала:

— Расскажите, как выглядит телефон.

Он рассказал. Тёмный чехол, потёртый угол, маленькая белая наклейка с буквой «Я» возле камеры. Ян приклеил её, когда снимал товар сразу на два аппарата и путал свой с чужим. Вадим вспомнил, как тот объяснял: «Один раз подпишешь — и до старости не сомневаешься, кто ты».

Здесь шутка прозвучала бы ещё хуже, чем слова о материнской фотографии. Вадим оставил её при себе.

Телефон в его руке завибрировал.

Кузьмин перезванивал.

Вадим посмотрел на следователя, она кивнула на дверь кухни.

— Можете поговорить в прихожей. Только в комнату сейчас не заходите.

Он вышел, остановился у висящей белой блузки и ответил.

— Сергей? Это Рябинин. Вадим.

На другом конце помолчали.

— Помню. Что случилось?

Вадим повернулся лицом к стене.

— У меня знакомый умер.

— Сочувствую. Вы сейчас где?

Он назвал адрес, сказал про полицию и следователя. Кузьмин выслушал, не перебивая, а потом спросил:

— Помощь нужна вам?

Вадим закрыл глаза. За стеной кто-то двигал предмет по столу, коротко скрипнула ножка стула.

— Да, — сказал он. — Мне.

Глава 6. Два клиента

Кузьмин не мог приехать сразу. Он попросил передать телефон следователю, поговорил с ней и снова вернулся к Вадиму.

— Буду, как освобожусь. Постараюсь быстро. Вадим, до моего приезда ничего не придумывайте.

— Я и не придумывал.

— Тогда не начинайте.

После разговора Глухова дала Вадиму прочитать записанное объяснение. Он читал долго. На бумаге утро получилось почти коротким: пришёл, встретил мать, вошли, обнаружили. Ни белая блузка, ни присохший хлеб в эту последовательность не попали. Зато попали стул, куртка и тапок. То, о чём хотелось забыть, оказалось необходимым.

Вадим попросил уточнить, что телефон он не нашёл именно на подоконнике, а не искал по квартире. Следователь внесла уточнение. Он подписал листы, ещё раз проверил свой номер и спросил, можно ли ждать внизу.

— Можно. Адвокат приедет — позвоните мне. Телефон включённым держите.

На площадке Демьян сидел на подоконнике. При появлении Вадима встал.

— Отпустили?

— Жду Кузьмина.

Демьян несколько секунд смотрел на него.

— Который с фургоном?

— Он.

— Всё ещё работает?

— Сейчас узнаем.

Они спустились. Вадим ступал осторожно; ему казалось, что колени плохо держат, хотя ничего тяжёлого он сегодня не носил. Снаружи было холоднее, чем утром. Он застегнул куртку до подбородка и отошёл от входа, чтобы не стоять перед дверью, из которой рано или поздно вынесут Яна.

Демьян открыл машину.

— Сядь. Продрогнешь.

Вадим сел, но дверь закрыл не сразу. На полу под ногами лежала пустая бутылка. Он нагнулся, поднял её, поставил в карман двери. Демьян завёл двигатель и включил обдув.

Раньше Вадим не замечал, сколько раз за жизнь вот так садился к нему в машину. Уставший, пьяный, с добычей, без денег, после хорошего вечера и после такого, о котором лучше было не вспоминать. Демьян всегда сначала включал печку или открывал окно и только потом спрашивал, что случилось. Вадим ценил в нём эту последовательность.

— Кузьмин сколько хочет? — спросил Демьян.

— Ещё не говорили.

— Если что, я добавлю.

— Есть у меня.

— Я не про есть или нет.

Вадим провёл ладонью по лицу.

— Я понял.

Несколько минут они сидели молча. Скорая уехала. На освободившееся место сразу попыталась встать женщина на маленькой машине, но полицейский показал ей проехать дальше. Она обиженно развела руками за лобовым стеклом.

— Мать бы увезти, — сказал Демьян.

— С ней подруга.

— Я знаю. Всё равно. Ей сейчас начнут звонить, предлагать услуги. Она не сообразит ничего.

Вадим повернулся к нему.

— Ты часто у неё бывал?

— У кого?

— У Галины.

— Ну бывал. Я Яна не вчера встретил.

Вадим это знал. И всё же её «Дём» в подъезде неприятно изменило то, что он привык считать их общим знакомством с парнем. У Демьяна с Яном была своя жизнь, в которую Вадим вошёл полтора месяца назад и сразу занял удобное место старшего. Мать, оказывается, знала Демьяна. Наверное, знала, где он живёт, чем занимается, чему обещал научить её сына. Вадим ничего этого не спрашивал.

— Давно вы знакомы?

— Года три. Он мне сначала объявления снимал. Потом ещё по мелочи. Ты чего?

— Просто.

Демьян уменьшил обдув.

— Галя одна его растила. Отец ушёл, когда он маленький был. Я тебе, по-моему, рассказывал.

— Не помню.

— Она не дура. Просто мать. Хочет думать, что всё хорошо.

Вадим посмотрел на него, и Демьян отвёл глаза к подъезду.

— Не надо сейчас, — сказал он.

Вадим ничего не собирался произносить. От этого запрета стало только хуже.

Когда появились Галина с Раисой, Демьян заглушил двигатель и вышел. Вадим остался сидеть. Из машины не было слышно разговора. Галина держала блузку уже без чехла, прижимая к себе вместе с плечиками; прозрачный пластик Раиса свернула и убрала в сумку. Демьян показал на свою машину. Раиса отрицательно качнула головой. Потом Галина что-то сказала, и он опустил руки.

За ними приехало такси. Вадим выбрался из машины, помог придержать заднюю дверь, пока Раиса усаживала подругу. Галина не посмотрела на него. Белая ткань зацепилась за край сиденья; она освободила её сама и закрыла дверь.

Демьян проводил машину взглядом.

— Я ей вечером позвоню.

Вадим кивнул.

— И ты не теряйся, — добавил Демьян. — Это теперь не

на один день.

***

Кузьмин приехал, когда Вадим уже перестал проверять время.

Он почти не изменился. Волосы поредели, живот стал заметнее, зато походка осталась той же — быстрой и слегка сердитой, как будто дорога от машины до нужного человека была лишним условием работы. В руках он держал небольшой потёртый портфель. Сначала пожал руку Вадиму, затем Демьяну; последнего узнал не сразу.

— Серов, — напомнил Демьян. — Мы с вами тогда ещё документы возили.

— Помню.

Кузьмин посмотрел на подъезд.

— Вы оба у него были ночью?

— Да, — ответил Вадим.

— Мне тоже, наверное, надо, — сказал Демьян. — Давайте сразу за двоих решим.

Кузьмин перевёл на него взгляд.

— Я сначала поговорю с Вадимом.

— Так я не мешаю.

— Нам нужно поговорить вдвоём.

Демьян убрал руки в карманы.

— Ладно. Я здесь.

Кузьмин предложил пройти к его машине, стоявшей в другом конце двора. Вадим сел спереди. Адвокат закрыл обе двери, вынул из портфеля тонкую папку, положил на колени и несколько секунд ничего не делал, давая ему освоиться с тишиной.

— Теперь рассказывайте.

— Я не убивал его.

— Кто вам сказал, что его убили?

Вадим посмотрел на адвоката.

— Там следователь. Из комитета.

— Я с ней говорил. Я спрашиваю, вам сообщили причину смерти?

— Нет.

— Хорошо. Я это не для спора. Сначала мне нужны известные вам обстоятельства. Потом — ваши мысли о них. С чего всё началось?

Вадим упёрся ладонями в колени.

Семь лет назад Кузьмин сидел напротив него за столом и задавал почти такой же вопрос. Тогда речь шла о вещах из чужого фургона. Вадим несколько раз пытался начать с того, что водитель сам проявил неосторожность; Кузьмин всякий раз возвращал его к тому месту, где он открыл дверцу. Самым неприятным в этом человеке была способность терпеливо слушать и всё равно не принять удобное начало.

— Мы поехали воровать, — сказал Вадим.

Кузьмин кивнул.

— Вчера вечером. В дом. Демьян сказал, хозяева уехали, дома деньги есть. И вещи. Он адрес дал.

Дальше стало легче. Ненамного, но легче, чем на кухне у Яна. Кузьмин не останавливал его на каждой подробности, только иногда возвращал к человеку или предмету: кто взял, кто видел, кому сказали. Вадим рассказал о часах, о цепочке, о мужчине в подвале. На решётке адвокат поднял руку, попросил описать дверь и ключ. Потом велел продолжать.

Когда Вадим дошёл до просьбы уйти и закрыть верхнюю дверь, Кузьмин снял очки.

— Он это сказал до того, как вы предложили помощь?

— Да. Сразу просил уйти. Потом я ему сказал: или вы с нами, или я сообщаю, что там человек сидит.

— Вы кому-нибудь сообщили?

— Нет. Он вышел.

Кузьмин положил очки на папку.

— Кто-нибудь из вас его ударил?

— Нет.

— Угрожал ему самому?

— Нет. Я сказал, что вызову людей. Он этого не хотел.

— Он объяснил почему?

— Не объяснил. Говорил, завтра выйдет.

Вадим помолчал.

— Сегодня. Он про сегодня говорил.

Адвокат снова надел очки.

Вадим рассказал о дороге, диване, несостоявшемся звон-

ке. В машине Кузьмина эти обстоятельства складывались ещё хуже, чем перед следователем. Он поймал себя на желании пропустить момент, когда не дал Игорю свой телефон, хотя уже сообщил о нём Глуховой. Пришлось повторить и его.

Потом наступило утро, и рассказывать стало почти невозможно. Вадим остановился на двери, которая открылась раньше, чем Галина вставила ключ. Кузьмин подождал, затем сказал, что утренние подробности пока можно оставить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.